

**St.-Petersburg State University
Institute of History
Department of the History of Ancient Greece and Rome
Centre of Ancient Studies**

MNEMON

**Investigations and Publications on the History of
Ancient World**

Edited by Ed.Frolov

№ 14

**St.-Petersburg
2014**

**Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 14

**Санкт-Петербург
2014**

ББК 63.3 (0) 32
М 73

Редакционная коллегия:

Д-р ист. наук А. Б. Егоров, д-р ист. наук О. Ю. Климов, д-р ист. наук О. В. Кулишова, канд. ист. наук А. Д. Пантелеев (отв. секретарь), д-р ист. наук Э. Д. Фролова (председатель), д-р ист. наук Ю. Б. Циркин, д-р ист. наук Н. С. Широкова.

Рецензенты:

Д-р ист. наук, проф. А.Ю. Прокопьев (С.-Петербург. гос. ун-т)
Д-р ист. наук, проф. М.Ф. Флоринский (С.-Петербург. гос. ун-т)

Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: Сб. статей / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 14. – СПб., 2014. – 516 с.
ISSN 1813-193X

Очередной выпуск альманаха «Мнемон» выходит в юбилейный для кафедры истории древней Греции и Рима и всего исторического факультета (ныне – Института истории) год. Ровно 80 лет тому назад, в 1934 г., в Ленинградском университете был учрежден, а вернее, восстановлен исторический факультет, и тогда же была создана кафедра античной истории. Основное содержание сборника построено по традиционному плану. Значительная часть статей посвящена истории древней Греции, причем исследования касаются как частных сюжетов, так и принципиальной оценки целых исторических периодов (в частности, греческой архаики). Интересные статьи публикуются по истории эллинизма и древнего Рима. Специальные разделы посвящены античной культуре, а также темам источниковедения и историографии; особо надо отметить статью, посвященную незаслуженно забытому петербургскому антиковеду К. Хилинскому.

Альманах «Мнемон» предназначается для студентов и преподавателей гуманитарных факультетов, а также для всех, кто интересуется историей и культурой античного мира.

Редколлегия благодарит профессора А.Х. Даудова за содействие
в подготовке и издании альманаха

ББК 63.3 (0) 32

Адрес редакции:
199134 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5,
Институт истории СПбГУ

© Авторы статей, 2014
© Институт истории
Санкт-Петербургского
государственного
университета, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Фролов Э.Д.</i> Вместо предисловия: Источник знания в науке об античности (к проблеме формирования специалиста).....	8
<i>Фролов Э.Д.</i> Кафедра античной истории СПбГУ (к 80-летию юбилею).....	13

I. Исследования по истории античного мира

1. Древняя Греция

<i>Суриков И.Е.</i> (Москва). Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Первая половина (IX-VIII вв. до н.э.).....	27
<i>Жестоканов С.М.</i> Загадочная экспедиция Фрасибула Милетского.....	51
<i>Туманс Х.</i> (Рига). Мильтиад Старший как зеркало греческой колонизации.....	59
<i>Строгецкий В.М.</i> (Нижний Новгород). Взаимоотношения между Спартой, Афинами и Эгиной накануне Марафонской битвы.....	95
<i>Никитюк Е.В.</i> Декрет Феозотида: к вопросу об афинских <i>nothoi</i>	109
<i>Печатнова Л.Г.</i> Древние авторы о спартанской агонистике.....	119
<i>Шарнина А.Б.</i> Проксения в межполисных отношениях Эллады.....	129

2. Эллинизм

<i>Рунг Э.В.</i> (Казань). Военно-политическая деятельность Ментора Родосского.....	143
<i>Смирнов С.В.</i> (Москва). Пифон, Селевк и традиция Иеронима из Кардии.....	161
<i>Грушевой А.Г.</i> Два почетных декрета в честь Антиоха I (280-261 гг. до н. э.) (OGIS, 219, 222).....	171
<i>Нефедкин А.К.</i> Традиции военного дела эпохи Ахеменидов в Сасанидском Иране.....	185

3. Рим

<i>Кудрявцева Т.В.</i> Корнелиев закон и процесс Клуенция: магия in latenti.....	193
<i>Вержбицкий К.В.</i> Падение Сеяна (а был ли заговор?).....	203
<i>Портнягина И.П.</i> (Тверь). Луций Анней Сенека о системе воспитания и самовоспитания (теория и практика).....	211

<i>Смирнова Е.Л.</i> (Петрозаводск). Гражданские войны 68-69 гг. и римский сенат.....	223
<i>Циркин Ю.Б.</i> Начало конца Западной Римской империи.....	231

4. Культура и религия античного мира

<i>Кулишова О.В.</i> Хор в древнегреческой драме: социально-политический контекст.....	253
<i>Пантелеев А.Д.</i> Маска в религиозной жизни древней Греции.....	259
<i>Светлов Р.В.</i> Платоновская концепция истории.....	277
<i>Васильев А.В.</i> К вопросу о времени появления маски в римском театре.....	291
<i>Дуров В.С.</i> Гастрономический опыт Горация.....	301
<i>Широкова Н.С.</i> К вопросу о романизации Британии: римский Марс и его британские эквиваленты.....	313
<i>Марков К.В.</i> (Нижний Новгород). Специфика употребления и смысловое содержание понятия <i>δημοκρατία</i> в сочинениях греческих авторов Второй софистики.....	337

II. Источниковедение и историография

<i>Карпюк С.Г.</i> (Москва). Взгляды Ксенофонта на патриотизм.....	347
<i>Скржинская М.В.</i> (Киев). Сочинения боспорских и херсонесских историков.....	357
<i>Звагольская А.К.</i> Об одном пассаже Кальпурния (Calp. VII, 57-72).....	377
<i>Данилов Е.С.</i> (Ярославль). Военные глоссы Веррия Флакка.....	387
<i>Дымская Д.Д.</i> Римский политик в трактовке Нового времени: образ Катилины в трагедии Бена Джонсона.....	395
<i>Тункина И.В.</i> Академик Е.Е. Кёлер о Березани, Ольвии и ольвийской периферии в дневнике экспедиции Императорской Санкт-Петербургской Академии наук 1821 г. по Новороссийскому краю.....	407
<i>Крульчик Ки.</i> (Познань). Константин Хилинский (1881-1939) – польский исследователь античности.....	419
<i>Кузьмин Ю.Н.</i> (Самара), <i>Макарова О.М.</i> (Самара). А.Е. Паршиков и история Афинской морской державы.....	443

III. Публикации

Мученичество Святых Максимы, Секунды и Донатиллы. Вступительная статья, перевод и комментарий А.В. Каргальцева.....	455
---	-----

IV. Хроника научной жизни

<i>Берзон Е.М., Кулишова О.В.</i> Вторая межвузовская студенческо-аспирантская конференция «Античность XXI века» (СПбГУ, 18 марта 2014 г.).....	465
---	-----

<i>Махлаюк А.В.</i> (Нижний Новгород). У истоков идеологии принципата (Токарев А.Н. Становление официальной идеологии принципата им- ператора Августа: монография. – Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2011. – 268 с.).....	468
<i>Климов О.Ю., Холод М.М.</i> Христиан Милета: юбилей ученого.....	478
Памяти Константина Викторовича Вержбицкого (21.09.1973–15.09.2014).....	484
Аннотации.....	487
Abstracts.....	497
Сведения об авторах.....	505
Список сокращений	507
Contents.....	511

И.П. Портнягина

Луций Анней Сенека о системе воспитания и самовоспитания (теория и практика)

Луций Анней Сенека в одном из писем к своему другу Луцилию с гордостью заявляет: «Я буду дорог потомкам и могу увековечить имена тех, кого приведу с собою» (Ер., XXI, 5). И далее, обращаясь уже непосредственно к потомкам, он пишет: «Для немногих рожден тот, кто думает лишь о поколении своих современников. Вслед придут многие тысячи лет, многие сотни поколений; гляди на них! Даже если всем, кто живет в одно время с тобою, зависть велит молчать, придут другие и будут судить без ненависти и без пристрастия» (*sine offensa, sine gratia*) (Ер, LXXIX, 17).

Такая уверенность не только в том, что имя его будет жить в веках, но и в том, что вспоминать о нем будут с благодарностью, может показаться весьма сомнительной, если мы прислушаемся к голосам его современников и ближайших потомков. Интересно, что философ сам сообщает нам обо всех претензиях, предъявляемых ему, очевидно, не только его врагами, но порой и друзьями. В трактате «О счастливой жизни» он с поразительной дошностью перечисляет все пересуды своих хулителей, содержание которых сводится к тому, что его жизнь являет собой коренное несоответствие провозглашаемым им же самим принципам. Он признается не только в том, что невероятно богат, но и в том, что стремится преумножить свое достояние, что любит комфорт, изысканную обстановку и утварь, что на обед у него подаются дорогие вина, что у него толпы рабов и даже есть специалист по разрезанию живности (*De vita beata*, XVII, 1-2). Представленный Сенекой автопортрет настолько откровенен, из него с такой очевидностью предстает человек со всеми человеческими слабостями, погрязший, по его собственному признанию, в «бездне всяких пороков» (*Ibid*, XVII, 1), что трудно понять, почему для многих поколений исследователей он представляется неразрешимой загадкой¹. При этом откровения, которыми поражает нас этот древний римлянин, ни в коей мере не могут, на наш взгляд, рассматриваться как демонстративный цинизм². Рисуя свой портрет, столь не соответ-

¹ Бобрикова Т. Загадка Сенеки // П. Грималь. Сенека или Совесть Империи. М., 2003. С. 13.

² Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М., 1991. С. 286.

ствующий образу мудреца, философ демонстрирует своим читателям, с какими трудностями человеческой природы ему приходится постоянно сталкиваться, продвигаясь по пути добродетели. Он превращает себя и свою борьбу с самим собой в наглядное пособие для тех, кто решится последовать его примеру. Поэтому нет смысла вновь и вновь повторять во след традиции, что все существование Сенеки являло собой кричащее противоречие между словом и делом. Как, впрочем, очевидно, что нет оснований и для апологетических утверждений, будто бы Сенека никогда не отступал от своих философских убеждений³. Сам Сенека не согласен с подобной характеристикой. Он отступал и оступался, и сурово корил себя, и огорчался тем, как медленно и трудно дается ему самосовершенствование. Читая письма Сенеки к Луцилию, невозможно избавиться от чувства, что в них очень много личного, пережитого, что это в первую очередь диалог с самим собой: «Слушай же меня так, словно я говорю с самим собой. Пользуясь твоим присутствием, нападаю на самого себя» (Ер., XXVII, 1. Здесь и далее «Нравственные письма к Луцилию» даются в переводе С. А. Ошерова). Его советы и наставления – это опыт трудной работы над собой и борьбы с самим собой, очевидно, далеко не всегда успешной. Иногда это спокойная констатация факта и самоирония: «Я не так бесчестен, чтобы, сам, будучи нездоров, лечить других...» (Ibid.); «...ведь мне далеко до людей терпеливых, а до совершенных и подавно» (Ер., LVII, 3); «...если хочу позабавиться чьей-нибудь глупостью, то искать далеко мне не надо: я смеюсь над собой» (Ер., I, 2). Но иногда звучит настоящий крик души: «Нет, не хочу я похвал, не хочу, чтобы ты говорил: «О великий муж! Он все презрел и бежит от неистовств человеческой жизни, которую осудил! Ничего я не осудил, кроме самого себя. И не с чего тебе приходиться ко мне в надежде на пользу. Кто рассчитывает найти здесь помощь, ошибается. Не врач, а больной здесь живет» (Ер., LXVIII, 8). В сочинениях Сенеки и особенно в его письмах к Луцилию проникновенно и отчетливо звучит голос живого человека, давшего ответ всем: и хулителям, и восторженным почитателям: «Я не мудрец и — я даже готов своим признанием дать новую пищу твоему недоброжелательству — никогда им не буду. Поэтому я и не ставлю себе целью достигнуть полного совершенства, а хочу только быть лучше дурных людей» (De vita beata, XVIII, 1. Пер. С. Ц. Янушевского). И у нас нет оснований игнорировать эту самооценку. Очевидно, что свою заслугу перед людьми всех времен и народов философ видел не в том, что он в своем лице явил им образец добродетельной жизни, но в каком-то ином аспекте своей многогранной деятельности.

В полном соответствии с римским пониманием философии Сенека с презрением относился к кабинетному мудрствованию. Для него деятельное

³ *Грималь П.* Сенека или Совесть Империи /пер. Е. Головиной. М., 2003. С. 56-57

отношение к жизни было важнее чистого созерцания. Знание, не нашедшее воплощения в действии, в служении на благо людей, по его глубокому убеждению обесценивает жизнь мудреца. В одном из писем к Луцилию он утверждает, что если бы мудрость была дана ему при условии, что он сохранит ее только для себя одного, то он бы отверг ее (Ер., VI, 4). Сенека призывает также к творческому деятельному восприятию всего, что было достигнуто великими философами прошлого, утверждает необходимость самостоятельного поиска: «Командуй сам, скажи слово, достойное памяти»; «...идуший следом за другим ничего не найдет, потому что не ищет...»; «...я воспользуюсь старой дорогой, но если найду другую, короче и ровнее, то сам ее вымошу» (Ер., XXXIII, 7, 10)⁴. Смысл и цель своего поиска он видит в том, чтобы, открыв кратчайший путь к благой жизни, указать его людям. Сенека осознавал в себе дар наставника, и этот род деятельности привлекал его более всего. С какой уверенностью он объявляет своему другу: «Я научу тебя ...» (Ер., LIX, 14). И, радуясь его успехам, заявляет: «Я притязую на тебя: ты мое создание» (Ер., XXXIII, 10; XXXIV, 2). Сенеку переполняет гордость и восторг от сознания, что ему подвластны души людей, что он может своими руками «лепить», «формировать» (*finger*) добродетельных людей.

Утверждая высокое предназначение наставника в обществе, Сенека отождествляет его деятельность с врачеванием пороков, которые не что иное, как болезни души (Ер., LXXV, 11). Тема порочности своего времени часто звучит в творчестве Сенеки и может показаться банальной в свете ее бесконечных вариаций в сочинениях античных авторов. Однако у него есть одно очень точное наблюдение относительно рассуждений о «падении нравов». Сенека убежден, что нравственное состояние общества подобно морским приливам и отливам и как природное явление остается неизменным во все времена⁵.

⁴ См.: *Maso S. The Risk in Educational Strategy of Seneca* [Electronic resource] // *Journal of Ancient Philosophy*. Vol. V, 2011 issue 1. URL: <http://www.revistas.usp.br/filosofiaantiga/article/view/43208> (accessed: 13.09.2014). Автор статьи полагает, что Сенека, призывая к самостоятельному поиску пути к достижению благой жизни, тем самым утверждает право мудреца рисковать, отвечая на вызовы судьбы. Более того, адресуя свой призыв Луцилию, он тем самым указал на необходимость прививать ученикам способность идти на риск и брать на себя ответственность за принятое решение.

⁵ «Посему скажем в заключение, что вина не должна падать на наш век. И предки наши жаловались, и мы жалуемся, да и потомки наши будут жаловаться на то, что нравы развращены, что царит зло, что люди становятся все хуже и беззаконнее. Но все эти пороки остаются теми же и будут оставаться, подвергаясь только незначительному изменению, ...» (*De ben.*, I, 10, 1. Пер. П. Краснова). Данной теме целиком посвящено также одно из писем к Луцилию, в котором Сенека уверяет своего друга в том,

Поэтому для него дурные нравы – это не препятствие, а, напротив, стимул к действию, он с уверенностью заявляет: «...но закоренелые пороки для меня не безнадежны. Нет ничего, над чем бы не взяли верх упорная работа и заботливое лечение» (Ер., L, 5-6).

Все выше сказанное убеждает нас в том, что Сенека видел свою основную заслугу перед современниками и потомками в том, что он указал им ту высокую норму, к которой следует стремиться, и путь, ведущий к «блаженной жизни». Этот путь тщательно прописан Сенекой в диалогах и, главным образом, в письмах к Луцилию, являющих собой вершину житейской мудрости, постигнутой философом⁶. Говоря современным языком, Сенекой разработана методика самовоспитания и обучения, к рассмотрению содержания которой мы и переходим.

Обращаясь к теме воспитания и обучения, Сенека, безусловно, отдает предпочтение воспитанию души. Это, пожалуй, единственный из всех аспектов его практической и теоретической деятельности, где он ни разу не вступил в противоречие с самим собой и где был категоричен – только философия может быть инструментом воспитания души (Ер., LXIV, 8-9; LXXI, 7; LXXXVIII, 28). Но для восприятия нравственных философских истин человек должен быть подготовлен соответствующим образованием. Традиционный набор так называемых «свободных искусств» (грамматика, геометрия, астрономия, музыка) признается Сенекой полезным, но лишь как начальный этап образования, на котором ни в коем случае нельзя долго задерживаться, так как это приведет к пустому всезнайству. Поэтому они хороши только тогда, когда «подготавливают ум, не удерживая его дольше» (Ер., LXXXVIII, 1). Можно без колебаний утверждать, что отношение римского философа к многознанию в целом негативное: чрезмерная «тонкость» в научных рассуждениях таит в себе, по его мнению, много зла и «враждебна истине» (*ibid.*, 43). Столь же отрицательно отношение Сенеки и к софистике, поскольку она не содержит в себе, по его мнению, «ничего полезного для жизни» и является не более, чем приятной забавой, когда «захочется побездельничать» (Ер., CXI, 2, 4-5)⁷.

что пороки – «Это свойства людей, а не времени: ни один век от вины не свободен» (Ер., XCVII, 1).

⁶ *Griffin M.T.* Seneca's Pedagogic Strategy: Letters and de Beneficiis // Bulletin of the institute of Classical Studies. Vol. 50. 2007. P. 89.

⁷ «Утилитарный» подход Сенеки к философии, акцент на этике стал причиной того, что некоторые исследователи определяют его как самого поверхностного философа из великих представителей поздней стои. См.: *Армстронг А.* Истоки христианского богословия. Введение в античную философию / Пер. В.А. Самойлова. СПб., 2003. С.161; Напротив, Поль Вен считает, что Сенеку следует рассматривать как серьезного философа, а не только в качестве стилиста: См.: *Veyne P.* Seneca: The Life of a Stoic. New York and London. 2003.

Признание Сенекой воспитания души первоочередной задачей наставника и человека, занимающегося самосовершенствованием, является причиной того, что в центре его методики поставлен психоанализ. Пристально вглядываясь в себя и свое окружение, Сенека выявляет природу человека, его достоинства и недостатки, слабости, затрудняющие продвижение к идеалу (Ер., ЛП, 12). На основании проведенного анализа он дает градацию людей по степени их способности двигаться по пути добродетели: первые – это те, кто способны совершенствоваться самостоятельно; вторые – кому нужна помощь, к ним он относит себя и своего друга Луцилия; третьи – те, кого можно принуждением подтолкнуть на верный путь (Ер., ЛП). Люди, первой категории мало интересуют Сенеку. Все свое внимание он сосредотачивает на второй и третьей группе людей, нуждающихся в помощи и принуждении, т.е. в наставнике. Более того, Сенека считает, что последней категорией людей, не только нельзя пренебрегать но, напротив, они, по его убеждению, «заслуживают вящего уважения, потому что заслуга этих людей больше, так как они преодолели наибольшие трудности» (Ер., ЛП, 4). Соответственно, первым шагом в процессе воспитания и обучения должна быть беседа с учеником с целью выявления его природных наклонностей и наличия импульса к совершенствованию, для самосовершенствующегося внутренний диалог с самим собой, глубокий самоанализ: «...уходи в себя, насколько можешь» (Ер., VII, 8). И уже после этого педагог определяет тактику общения со своим воспитанником, чтобы пробиться к его душе: «Одним довольно лекарство указать, другим нужно его навязывать» (Ер., XXVII, 9). Таким образом, Сенека руководствуется правилом, согласно которому каждый человек требует индивидуального подхода: необходимо учитывать как духовный склад воспитуемого, так и его возраст. Из молодого «лепить» легко (*tenera fingitur*), с сорокалетним «питомцем», нрав которого уже «затвердел» следует быть осторожным, «чтобы он не отчаялся в самом себе» (Ер., XXV,1). В целом, Сенека выступает сторонником мягкой, благожелательной настойчивости, побуждения к обучению похвалой за каждый самый незначительный шаг вперед и, главное, – не требовать от начинающего слишком многого: «Пусть оскальзываются, – лишь бы шли вперед и не останавливались» (Ер., LXXI, 35); «В этом и есть наша ошибка: всего, что сказано о мудром мы требуем от начинающих» (Ер., LXXI, 30). Это правило Сенека распространяет на всех учеников независимо от возраста и на себя самого в том числе, поскольку и себя относил к разряду тех, кто еще только продвигается к мудрости, но не достиг ее. Оценивая успехи Луцилия и свои собственные в процессе воспитания души, он с одной стороны отмечает значительные достижения, с другой определяет эти достижения как весьма скромные: они оба всего лишь не значатся «в числе худ-

ших», но и это уже достойно похвалы (Ер., LXXV, 15). Таки образом, похвала и увещание являются обязательными частями образовательной стратегии Сенеки⁸

Обращаясь к тем, кто нуждается в помощи, а значит и к самому себе, Сенека говорит о необходимости постоянно иметь перед собой образец, на который следует равняться (Ер., XI, 10). Каждое наставление, считает он, должно сопровождаться ярким и волнующим примером («...долг путь наставлений, краток и убедителен путь примеров» (Ер., VI, .5 – 6). В ярких и убедительных примерах из жизни предков и своих современников, в книгах великих мыслителей Сенека находит для себя и советует искать другим «руку помощи» (Ер., II; VI, 5; XXX, 13; XXXIX, 1 – 2; LII, 8; LXXXIV, 5). В то же время, рассуждая о пользе чтения, Сенека считает необходимым предупредить о вреде бессистемного чтения множества книг, которое, как он говорит, «средни бродяжничеству» (Ер., II, 2). Читать следует лишь те книги, которые могут принести пользу в формировании правильной жизненной позиции, высокой нравственной нормы, поэтому воспитатель должен сориентировать своего ученика: указать авторов и выделить особо полезные места в их книгах (Ер., VI, 5).

Но самая надежная и верная помощь может придти лишь от живого и непосредственного общения с учителем. И, следуя принятому для себя правилу, иллюстрирует свое утверждение примерами: Клеанф стал подобием Зенона исключительно благодаря личному общению с учителем; Платон и Аристотель стали великими мудрецами благодаря наблюдению за нравами Сократа. Таким образом, Сенека уверен, что ученик возвышается до уровня учителя лишь при непосредственном контакте с ним (Ер., XXII, 1-3).

Философ настаивает на необходимости постоянного, тесного контакта с воспитуемым, чтобы иметь возможность отслеживать каждый его шаг, каждое мимолетное движение души. При этом Сенека подчеркивает, что в образовательном процессе активными должны быть оба его участника: «И то и другое совершается взаимно, люди учатся, обучая» (Ер., VII,8)⁹. Воспитание и самовоспитание, с точки зрения Сенеки, процессы взаимосвязанные еще и в том смысле, что ученик должен вести постоянный внутренний диалог, взыскательно исследуя уже достигнутое, а главное – что еще требует дальнейшей работы над собой: «Уходи в себя, насколько можешь» (Ibid.)

В связи с данной установкой чрезвычайно важную приобретает сама личность учителя, образ которого от внешней манеры поведения, формы общения с воспитуемым и духовных достоинств тщательно прописывают-

⁸ См.: *Maso S. The Risk in Educational Strategy...*

⁹ См.: *Griffin M.T. Seneca's Pedagogic Strategy...*

ся Сенекой (Ер., V). В том, что касается внешнего образа и манеры поведения наставника, Сенека, прежде всего, предостерегает от доктринерской позы, противопоставления себя окружающим, поскольку это может отвлечь воспитуемого от стремления следовать за своим учителем: он должен «жить лучше, чем толпа, а не наперекор толпе» (Ер., V, 2). Интересно, что Сенека, будучи блестящим оратором, в общении с учеником считал нужным избегать чрезмерной риторической обработки речей. Когда дело идет о душе, беседа с учеником должна вестись на языке необработанном и непринужденном, чтобы в ней было искреннее чувство и доверительная интонация: «что я говорю, то чувствую» (Ер., LI, 9; XL; LXXV, 2; LXXXVII, 40; De benef., I, 4, 6).

Большое значение Сенека придает формированию окружения воспитуемого и советует избегать частого общения с толпой. Вредное влияние толпы даже на людей искушенных в добродетели, а тем более только вступивших на ее путь, Сенека демонстрирует на собственном примере. Он пишет Луцилию, что после общения с ней (толпой) он становится «...более скупым, более честолюбивым, падким до роскоши и уж наверняка более жестоким и бесчеловечным...» (Ер., VII, 3).

В связи со всем выше сказанным естественно возникает вопрос, как же соотносить столь глубоко продуманную методичку наставничества с той трагической для философа реальностью, что его имя оказалось навеки связано с именем одного из самых жестоких и развращенных правителей Рима?

Задаваясь вопросом, чем руководствовался Сенека, принимая предложение Агриппы Младшей стать учителем и наставником ее сына Нерона, мы склонны согласиться с мнением С. А. Ошерова, что однозначного ответа на него мы не найдем¹⁰. Он может быть исключительно гипотетическим, поскольку сам философ избегал прямого обсуждения всего, что было связано с его придворной деятельностью. Историография вопроса чрезвычайно обширна и продолжает множиться в силу того противоречивого чувства, которое вызывает у исследователя сопоставление творчества этого римского философа с его образом жизни.¹¹ Но в то же время все исследователи едины

¹⁰ Ошеров С.А. Сенека. От Рима к миру // *Луций Анней Сенека*. Нравственные Письма к Луцилию. Кемерово, 1986. С. 390. С.А. Ошеров считает, что в гущу политики Сенеку могло толкать и честолюбие, и корыстолюбие, также как и искреннее стремление принести пользу обществу.

¹¹ А.Н. Чанышев считает, что Сенека был сыном своего времени и своей среды, которая была аморальной, и являет собой пример расхождения между мировоззрением и образом жизни (*Чанышев А.Н.* Курс лекций по древней... С. 286-287.); Пьер Грималь полагает, что Сенека принял предложение Агриппы Младшей, руководствуясь исключительно благородными мотивами, стремлением воплотить в жизнь свои

во мнении, что политическая составляющая была определяющей в той роли, которую судьба в лице Агриппины Младшей навязала Луцию Аннею Сенеке. Он был втянут в гущу придворных интриг, где решался вопрос, кто будет наследником императора Клавдия, на стороне Агриппины и ее сына Нерона. Опальному философу предлагалось стать наставником будущего принцепса, но это будущее он должен был помочь обеспечить. Таким образом, изначально политическая составляющая превалировала над ролью воспитателя, и философ был вынужден постоянно выбирать из двух зол. Очевидно, что Сенека понимал неизбежность компромиссов и вполне осознанно принимал ее. Последнее обстоятельство и определило всю стратегию воспитания Нерона. Основная задача, которую ставил перед собой Сенека, состояла в том, чтобы дать будущему принцепсу хорошее систематическое образование и по возможности «подтолкнуть сомневающегося» к восприятию высокой нравственной нормы.

Казалось, что поставленная цель вполне достижима. Прежде всего, перед ним был одиннадцатилетний мальчик, а не закоренелое в пороках чудовище. Ему была свойственна «живость души», он увлекался разнообразными видами искусств: чеканной работой, рисованием, пением, слагал стихи (Тас. Ann., XIII, 3). Скорее всего, Сенека снисходительно относился к этим увлечениям юного воспитанника, особенно в том, что касается поэтического творчества. Очевидно, принципы, которыми он руководствовался в воспитании своего подопечного, вполне соответствовали тем правилам, теоретически обобщенные которым было дано впоследствии в письмах к Луцилию. Основное внимание Сенека сосредоточил на обучении искусству красноречия, философия же подавалась малыми дозами через заучивание наизусть изречений, яркими примерами и доверительной интонацией «прокрадываясь в душу» (Ер., XXXVIII, 1).

Однако впечатляющего результата не получилось: Сенеке самому приходилось составлять речи для своего воспитанника (Тас. Ann., XIII, 3), а с «воспитанием души» дело обстояло еще хуже. Высокие нравственные нормы, внушаемые философом наследнику престола, а затем и юному императору, не оказывали сколь-нибудь глубокого влияния на формирование его морального облика. Причиной тому были несколько факторов. Прежде

политико-философские идеи и на протяжении всей своей деятельности в качестве наставника и советника Нерона не изменял ни требованиям своей совести, ни убеждениям, почерпнутым у своих учителей-стоиков (*Грималь П.* Сенека... С. 56.); Джон Рист допускает, что Сенека руководствовался стремлением воспитать из Нерона справедливого властителя, но были и другие мотивы, которые не достигают той чистоты, которая требуется от мудреца. Но он, отмечает Джон Рист, и не претендовал никогда на это звание (*Рист Дж.* Сенека и стоическая ортодоксия // Луций Анней Сенека. Философские трактаты. СПб., 2001).

всего, совершенно очевидно, что фактор среды, которому Сенека придавал большое значение, не мог быть полностью под контролем наставника. Стремясь минимизировать негативное воздействие придворного окружения, он вводит в него своих единомышленников – друзей, родственников, способных положительно воздействовать на моральный облик Нерона, а так же обеспечить силовую поддержку. Забота о силовой поддержке, основу которой составляли верные друзья Сенеки префект преторианской гвардии Афраний Бурр и префект ночной стражи Анней Серен, возможно, родственник Сенеки и его верный ученик, весьма показательна. Она свидетельствует о том, что Сенека, будучи проницательным человеком и тонким психологом рано понял, что его наставническая миссия «философа у трона» будет иметь без нее весьма шаткие основания. Далее, серьезным препятствие на пути к достижению цели было и еще одно не менее важное обстоятельство. Сенека постоянно подчеркивал, что движение по пути добродетели, должно сопровождаться обоюдными усилиями ученика и наставника. Причем присутствующий в душе воспитуемого импульс к совершенствованию (*impetus*), должен постепенно оформиться в разумную волю. Природный же артистизм Нерона увлекал его к чисто внешнему исполнению роли, навязываемой ему наставником. Это было подражание без глубокой внутренней адаптации философской мудрости. Возможно, Сенека довольно рано разглядел истинный талант своего ученика и понял, что наступит момент, когда тому надоеет играть одну и ту же роль и он захочет сменить «режиссера». В рассказе Светония о вешем сне, в котором Сенека якобы увидел, что он воспитывает Калигулу (*Suet., Neron, 7,1*), возможно сохранились отголоски слухов, что в кругу друзей философ отзывался о своем воспитаннике не столь лестно, как он делал это публично. Впрочем, достоверность данной информации весьма сомнительна: Сенека был очень осторожным человеком, как в общении, так и в речах: «А самым полезным будет не суетиться и поменьше разговаривать с другими...» (*Ep., CV, 6*).

После провозглашения Нерона принцем политик все больше доминирует над воспитателем. Именно в этом качестве он ввязывается в жестокую схватку с Агрипиной Младшей за доминирующее влияние на принцесса, логика которой увлекает его все дальше по пути уступок и компромиссов с собственными убеждениями.

Философ не был наивным идеалистом, прекрасно понимал природу власти принцесса, возможность ее быстрого опрокидывания в деспотизм и не питал иллюзий относительно своего воспитанника, поэтому совместно со своим другом Бурром он избрал тактику компромисса, суть которой сводилась к тому, чтобы удерживать принцесса «дозволенными наслажде-

ниями» от опасных увлечений. Она потребовала от Сенеки гибкости царедворца и готовности «поступаться принципами». В борьбе с властолюбивой матерью он использует страсть юного принцепса к вольноотпущеннице, которую, прикрывая его друг Анней Серен, (Тас. Ann., XIII, 13); он не только не заметил убийство Британника, но и вместе со своими друзьями принял от Нерона щедрые дары из имущества убитого (ibid., XIII, 18); после убийства Нероном своей матери он направил в сенат письмо, в котором оправдывал его действия политической целесообразностью (ibid., XIV, 11). Из наставника он превращается во временщика, цель которого изначально была благородной, но способы ее достижения губительными. Очевидно, следует согласиться с мнением Диона Кассия, что принятый Сенекой и Бурром в отношении Нерона алгоритм воспитания был разрушительным для его духа. Снисходительность, проявляемая наставниками к образу жизни принцепса, считает историк, убеждала Нерона в том, что в его поведении нет ничего предосудительного (LXI, 4, 2)¹². Результатом такой тактики стало то, Сенека в глазах общества превращался в пособника преступлений, для Нерона – в сообщника, в душе самого философа вместо гармонии поселялось смятение.

Удалившись от двора, Сенека мучительно осмысливал результат своей деятельности в роли наставника императора. Прямых высказываний на этот счет мы у него не найдем, но косвенные свидетельства анализа допущенных ошибок явственно присутствуют в сочинениях философа. Он сожалеет, что не бежал от случайных даров судьбы, что запутался в делах, навязанных ему честолюбием, что, возмнив будто бы добыча у него в руках, сам стал добычей (Ер., VIII, 3; XXII, 8). Тема «больной совести» с удивительным постоянством звучит в его сочинениях последних лет жизни¹³. Есть большой соблазн повторить вслед за Г. Буасье и Н. Ф. Дератани, что и в трагедиях Сенеки присутствуют намеки на его бессилие воспитать из сына Агриппины Младшей справедливого и милосердного монарха, на то, что он сожалеет о своих «неприятных уступках» и нападает на «деспотию» Нерона¹⁴. Однако с полной уверенностью принять эту точку зрения мешает нерешенная проблема их датировки¹⁵.

¹² Во вступительной статье к изданию трагедий Луция Аннея Сенеки Е.Г. Рабинович пишет, что «тот самый Нерон» получился «увы, не без помощи Сенеки»: *Рабинович Е.Г. Основные даты жизни и творчества Сенеки // Луций Анней Сенека. Трагедии. М., 1991. С. 419.*

¹³ *Грималь П. Сенека... С. 85-86.*

¹⁴ *Буасье Г. Оппозиция при Цезарях / пер. В.Я. Яковлева. СПб., 1993. С. 79; Дератани Н.Ф. Сенека и его трагедии. М. – Л., 1933. С. 19.*

¹⁵ П. Грималь признает, что решить эту проблему невероятно трудно (*Грималь П. Сенека... С. 173-174*); С.А. Ошеров считает, что нет никаких твердых опор для опре-

Но тема «больной совести» связана у Сенеки не с воспитанием юного Нерона, а с его деятельностью в качестве политического советника императора. Именно она вынуждала философа идти на «неприятные уступки» вплоть до оправдания матереубийства в тщетной надежде сохранить контроль над своим воспитанником. Он был уверен, что другого выбора у него не было: «К тому же нельзя и сопротивляться, когда счастье начинает водить вас вкривь и вкось. Или уж плыть прямо, или разом ко дну!» (L., VIII, 3) Однако в отличие от политической карьеры опыт, полученный им в период воспитания юного Нерона, не стал для Сенеки источником разочарований. Он, безусловно, учитывал его, когда излагал в письмах к Луцилию свои основные правила воспитания души. По просьбе друга он с явным удовольствием приступает к обучению даже тогда, когда ученик вызывает у него сомнение (Ер., XI; XXV; XXIX, CXII). Чем сложнее был случай, тем с большим энтузиазмом он брался за работу, предпочитая «остаться без успеха, чем без веры» (Ер., XXV, 2). Деятельность педагога оставалась для философа до конца дней не только привлекательной, но и осмысливалась, как самая предпочтительная для мудреца: мудрец по его определению есть «*generis humani paedagogus*» (Ер., LXXXIX, 13).

Список использованной литературы

Армстронг А. Истоки христианского богословия. Введение в античную философию / пер. В.А. Самойлова. СПб., 2003.

Бобрикова Т. Загадка Сенеки // П. Грималь. Сенека или Совесть Империи. М., 2003.

Буасье Г. Оппозиция при Цезарях / пер. В.Я. Яковлева. СПб., 1993.

Дертани Н.Ф. Сенека и его трагедии // Луций Анней Сенека. Трагедии. М. – Ленинград, 1933.

Грималь П. Сенека или Совесть Империи / пер. Е. Головиной. М., 2003.

Краснов П. Сенека, его жизнь и философская деятельность. СПб., 1895.

Межерицкий Я.Ю. Принципат Юлиев-Клавдиев в произведениях Сенеки // Из истории античного общества. Межвузовский сборник. Горький, 1979. С. 95-109.

Ошеров С.А. Сенека. От Рима к миру // *Луций Анней Сенека.* Нравственные Письма к Луцилию. Кемерово, 1986.

Ошеров С.А. Сенека – Драматург // *Луций Анней Сенека.* Трагедии М., 1983.

Рабинович Е. Г. Основные даты жизни и творчества Сенеки // Луций Анней Сенека. Трагедии. М., 1991.

Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М., 1991. С. 286.

Griffin M. T. Seneca's Pedagogic Strategy: Letters and de Beneficiis // Bulletin of the institute of Classical Studies. Vol.50. 2007.

деления времени написания трагедий (*Ошеров С. А.* Сенека – драматург // *Луций Анней Сенека.* Трагедии М., 1983. С. 351).

Maso S. The Risk in Educational Strategy of Seneca [Electronic resource] // Journal of Ancient Philosophy. Vol. V, 2011 issue 1. URL: <http://www.revistas.usp.br/filosofiaantiga/article/view/43208> (accessed: 13.09.2014).

Veune P. Seneca: The Life of a Stoic. New York and London. 2003.

